

ВОЗМОЖНОСТИ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ИСТОРИОГРАФИИ

(на примере интерпретации проблемы
европейского абсолютизма)

Л. В. Ляхович,

кандидат исторических наук,

доцент БГУКИ

В связи с разворачиванием антропологического и лингвистического поворотов и семиотического понимания культуры как знаковой системы, в последние десятилетия в гуманитарных науках оформился дискурсивный подход. История и историография являются важнейшими механизмами создания, сохранения и трансляции культурных текстов в самом широком смысле этого слова. Текст есть система знаков, которые могут быть расшифрованы. Выявление как лежащих на поверхности, так и скрытых смыслов текстов для последующей реконструкции сначала речевых, а затем социальных практик конкретно рассматриваемого общества и является задачей дискурс-анализа. Есть множество определений дискурса. С позиций исторической науки удачным следует признать дефиницию отечественных исследователей В.Н. Сидорцова и О. М. Шутовой: дискурс есть языковое сознание эпохи. Из речевой деятельности во всех ее проявлениях историк может определить, как «рисовали» себе в речи свою жизнь люди изучаемой им эпохи. Соответственно, бытие есть текст, а мир – это семиотическое образование, которое может быть расшифровано [1, с. 38–43].

Содержательно определение дискурса российской исследовательницы В. Е. Чернявской: «Под дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающую особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в текст» [2, с. 77–78].

В данной публикации объектами дискурс-анализа являются работы российских историков, созданные на рубеже 1980–1990-х гг. Выбранный для рассмотрения период не случаен. Именно в это

время, в связи с методологическими инновациями периода перестройки изменения в историографии приобрели необратимый характер, и анализ текстов данного периода, особенно в сопоставлении с дискурсом советской историографии, является весьма показательным. Для дискурс-анализа выбраны тексты, отражающие проблематику европейской, а именно французской абсолютной монархии – одной из наиболее сложных и дискуссионных в новистике. Типологически рассматриваемый дискурс – письменный, по функциональности – научный, институциональный.

Характеристика историографической ситуации рубежа 1980–1990-х гг. представляет собой уровень экстралингвистического, т.е. над- и вокругтекстового анализа. Это – «дух времени», исторические, психологические, идеологические, социальные и др. факторы [2, с. 89]. Они проявлялись в ослаблении идеологического контроля, постепенном исчезновении наступательно-критического тона в отношении западноевропейской историографии, принятии (сначала с известными оговорками) концепций западной немарксистской историографии. Начатая в середине 1980-х гг. политика перестройки стала важнейшей предпосылкой для изменений в историографии, однако методологический перелом произошел несколько позже. Должен был пройти определенный период накопления материала и формирования нового теоретического видения.

Макросемантический уровень, т.е. общая смысловая картина текста, показывает отход от формулировок и выводов, характерных для советской историографии, смену терминологии и проблемного поля. Изменяется и внешний вид текстов – в первую очередь, исчезают ссылки на классиков марксизма. Более того, показательным являлось не только то, *что было* сказано, но и то, *что не было* сказано, в сравнении с предыдущей традицией. Данные изменения особенно рельефны при микросемантическом, т.е. на уровне предложений, словосочетаний и иных фрагментов текстов. Какие же изменения рубежа 1980–1990-х гг. фиксирует дискурс-анализ?

Изменение терминологии. Во второй половине 1980-х гг. было фактически реабилитировано понятие «Старый порядок», обозначавшее период позднего феодализма и переходный характер общества. Термин «Старый порядок» стал применяться вместо традиционного для советской историографии «феодално-

абсолютистского строя» [3, с. 94–95]. Термин «абсолютизм» продолжал применяться, но постепенно все более резко проявлялось несоответствие между декларируемой в определении абсолютной и реально ограниченной на практике властью монарха.

Расширение проблемного поля. В советской историографии приоритетными для исследования являлись экономика, социальное развитие, классовая борьба, идейное противостояние в обществе, внутри- и межсословные противоречия и т.д. В 1989 г. Е. В. Гутнова указала на недостаточное внимание советской историографии к вопросам истории государства и права, религии и церкви, духовной культуры и идеологии [4, с. 247]. Далее было указано на ряд вопросов, которые впоследствии сформируют проблемное поле в изучении западноевропейской абсолютной монархии: соотношение центральной власти и местного управления, деятельность аппарата управления, новое осмысление социальной политики, многообразие путей централизации, государство и культура, государство и церковь, наконец, личностный фактор [4, с. 252–260].

Достаточно новым выглядело рассмотрение высшей бюрократии в системе Старого порядка, предпринятое Н. Е. Копосовым [5]. Феномен высшей бюрократии автор связывал с проблемой самореформирования абсолютизма и причинами Французской революции, среди которых уже не упоминался конфликт новых производительных сил и старых производственных отношений. Статья Н. Е. Копосова «Абсолютная монархия во Франции» выглядела если и не «концептуальным прорывом», то примером нового дискурса в принципе [6]. В ней автор практически разрушил тезис о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее институциональных и доктринальных ограничений [6, с. 42–44]. Было показано, что, несмотря на армию, финансы, аппарат управления, материальной силе государства противостояла независимая от него сила общества [6, с. 45–54]. Характеристика абсолютизма как феодального государства, по мнению Н. Е. Копосова, является упрощенной, – и общество, и государство Старого порядка относились к переходному от феодального к капиталистическому типу. Сам абсолютизм был этапом почти тысячелетнего роста государства, который в качестве гипотезы уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности [6, с. 55].

Значимым симптомом изменений в дискурсе стало появление

работ, посвященных государственным деятелям Франции эпохи абсолютизма. В советской историографии выпуск специальных работ, посвященных представителям «эксплуататорских классов», был невозможен. В 1990 г. вышла созданная П. П. Черкасовым политическая биография кардинала Ришелье [7], лишенная прямолинейных оценок и основанная в большей степени на французских источниках.

Одно из центральных исследований рассматриваемого периода – «Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество» В. Н. Малова, представителя старшего поколения историков. С одной стороны, в работе на основе марксистской методологии изложена концепция французского абсолютизма. С другой – написание биографии Жана-Батиста Кольбера, «великого французского государственного деятеля» [8, с. 3], но, с точки зрения советской историографии, недостойного такого «почета» представителя абсолютистского государства, было бы проблематичным в «доперестроечных» условиях.

Изменение идиостиля и научных приоритетов автора. Приведенные выше работы Н. Е. Копосова даже внешне имеют мало общего с «доперестроечной» традицией. Созданные на материале французских авторов, без нормативной критики буржуазной историографии и обращения к классикам марксизма как некоему методологическому эталону, они демонстрируют сугубо авторскую позицию. Опираясь на зарубежную историографию, Н. Е. Копосов формулирует идею границ власти короля, которая будет развита впоследствии [9, с. 160].

Разрыв с традиционной терминологией и принципиально новые оценки демонстрирует характеристика королевской власти, данная Е. М. Кожокиным: «Королевская власть, эманацией которой... являлось государство, в сознании людей покоилось на трех основах: религиозной, феодальной и римско-правовой... в самой ее природе было много мистического, ускользающего от современного рационального осмысления. Мистика присутствовала в самом официальном титуле государя – «король Франции», под словом «Франция» подразумевалась не политическая или географическая реальность, а некая духовная сверхреальность. Мистика, политика, религия, экономика сливались в одно целое. Рациональное расчленение сфер общественной жизни еще только намечалось...» [10, с. 4]. «Королевская власть, эманацией которой являлось государство», «мистика», «духовная сверхреальность» –

это не только принципиально новый дискурс и новая лексика, но и концептуально противоположное советской традиции видение проблемы государства и монархической власти, в соответствии с которой они расценивались как орудия классового господства. В принципе изменился ценностный подход к абсолютизму. Последний перестал быть преимущественно предпосылкой буржуазных революций и «неизбежным злом», которому предъявлялся счет, и стал расцениваться как явление, представляющее собственную научную значимость.

«Абсолютная монархия во Франции» вызвала как отклик заметку Ю. Е. Ивонина с красноречивым названием «Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме?» [11]. Автор полемизирует с Н. Е. Копосовым, но делает это предельно корректно. Разумеется, «статья не бесспорна во многих отношениях» [11, с. 177], но обороты «автор не без оснований подчеркивает», «справедливо обращается внимание», «справедливо подчеркивается» [11, с. 177–178] указывают на желание конструктивного диалога. Другое дело, что историографическая реальность начала 1990-х гг. оставила высказанную идею только в проекте.

Таким образом, дискурс-анализ приведенного материала рельефно демонстрирует изменения его лексической, предметной, понятийной, аксиологической составляющих. Данные изменения получают развитие впоследствии. Возрастет количество исследований, посвященных практике абсолютной монархии, ее церемониалу, повседневности, властным структурам, политическому имиджу, символике власти, влиянию на коллективную психологию и общество, особое внимание будет уделено политическим портретам монархов и представителей правящей элиты.

Понимание исторического и историографического источников как артефактов культуры и текстов, которые могут быть расшифрованы и интерпретированы на различных уровнях, предоставляет практически неограниченные возможности для дискурс-анализа, требует специальных методик и подходов. Решение данных задач является одним из важных направлений современной историографии. Об их актуальности и востребованности свидетельствуют и новые работы отечественных исследователей [12].

1. Сидорцов, В. Н. Лингвистический поворот в историографии и дискурс-анализ / В. Н. Сидорцов, О. М. Шутова // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Белорусский государственный университет. Вып. 5. Дискурс в современном гуманитарном знании / [М. О. Александрович и др.] – М. : Изд. центр БГУ, 2008. – С. 37–48.

2. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого взаимодействия : учеб пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта; Наука, 2006. – 136 с.

3. Пименова, Л. А. О некоторых спорных вопросах истории старого порядка и революции / Л. А. Пименова // Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции : материалы «круглого стола» 19–20 сентября 1988 г. – М. : ИВИ РАН, 1989. – С. 93–98.

4. Гутнова, Е. В. Государство в структуре и эволюции феодального общества / Е. В. Гутнова // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – Вып. 2. – М. : Наука, 1989. – С. 247–260.

5. Копосов, Н. Е. Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка / Н. Е. Копосов // От Старого порядка к революции: К 200-летию Великой Французской революции : межвуз. сборник / под ред. проф. В. Г. Ревуненкова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 26–51.

6. Копосов, Н. Е. Абсолютная монархия во Франции / Н. Е. Копосов // Вопросы истории. – 1989. – № 1. – С. 42–57.

7. Черкасов, П. П. Кардинал Ришелье / П. П. Черкасов. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 384 с.

8. Малов, В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество / В. Н. Малов. – М. : Наука, 1991. – 240 с.

9. Копосов, Н. Е. Провинциальные интенданты во Франции Старого порядка (Аналитический обзор) / Н. Е. Копосов // К 200-летию Французской революции (зарубежная историография) : Реферативный сборник. – М. : ИНИОН, 1988. – 160 с.

10. Кожокин, Е. М. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции / Е. М. Кожокин ; отв. ред. П. П. Черкасов. – М. : Наука, 1989. – 176 с.

11. Ивонин, Ю. Е. Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме? / Ю. Е. Ивонин // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 176–178.

12. Сидорцов, В. Н. Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – 192 с.